УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5
Ш41

Перевод с английского
Самуила Маршака, Бориса Пастернака, Николая Гербеля

Художественное оформление *А. Андреева*

Иллюстрация *Екатерины Нечипоренко* (Caitllin)

Шекспир, Уильям.
Ш41 Сонеты / Уильям Шекспир ; [перевод с английского С. Маршака, Б. Пастернака, Н. Гербеля]. — Москва : Эксмо, 2025. — 336 с.

ISBN 978-5-04-209951-9

Никто никогда не говорил о любви так красиво и чувственно, как это делал Уильям Шекспир.

Боль расставания, безграничная нежность, первая влюбленность, последняя любовь, ускользающая красота и бег жизни — все есть в его бессмертных сонетах, не раз переведенных во всех странах мира, не раз превращенных в вечные баллады.

В издание включены замечательные переводы Самуила Маршака, Бориса Пастернака и Николая Гербеля.

УДК 821.111-1
ББК 84(4Вел)-5

© Маршак С.Я., перевод на русский язык. Наследники, 2025
© Пастернак Б., перевод на русский язык. Наследники, 2025
Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-209951-9

SONNETS

СОНЕТЫ

TO THE ONLIE BEGETTER OF
THESE INSUING SONNETS
MR. W.H. ALL HAPPINESSE
AND THAT ETERNITIE PROMISED BY
OUR EVER-LIVING POET
WISHETH
THE WELL-WISHING
ADVENTURER IN
SETTING
FORTH

T.T.

I

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the riper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding.
    Pity the world, or else this glutton be,
    To eat the world's due, by the grave and thee.

1

Мы урожая ждем от лучших лоз,
Чтоб красота жила, не увядая.
Пусть вянут лепестки созревших роз,
Хранит их память роза молодая.

А ты, в свою влюбленный красоту,
Все лучшие ей отдавая соки,
Обилье превращаешь в нищету, —
Свой злейший враг, бездушный и жестокий.

Ты — украшенье нынешнего дня,
Недолговременной весны глашатай, —
Грядущее в зачатке хороня,
Соединяешь скаредность с растратой.

Жалея мир, земле не предавай
Грядущих лет прекрасный урожай!

Перевод С. Маршака

II

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery, so gaz'd on now,
Will be a tatter'd weed, of small worth held:
Then being ask'd where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say, within thine own deep-sunken eyes,
Were an all-eating shame and thriftless praise.
How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!
  This were to be new made when thou art old,
  And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

2

Когда твое чело избороздят
Глубокими следами сорок зим, —
Кто будет помнить царственный наряд,
Гнушаясь жалким рубищем твоим?

И на вопрос: «Где прячутся сейчас
Остатки красоты веселых лет?» —
Что скажешь ты? На дне угасших глаз?
Но злой насмешкой будет твой ответ.

Достойней прозвучали бы слова:
«Вы посмотрите на моих детей.
Моя былая свежесть в них жива,
В них оправданье старости моей».

Пускай с годами стынущая кровь
В наследнике твоем пылает вновь!

Перевод С. Маршака

III

Look in thy glass, and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some
mother.
For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime:
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.
But if thou live, remember'd not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
И, если повторить не поспешишь
Свои черты, природу ты обидишь,
Благословенья женщину лишишь.

Какая смертная не будет рада
Отдать тебе нетронутую новь?
Или бессмертия тебе не надо, —
Так велика к себе твоя любовь?

Для материнских глаз ты — отраженье
Давно промчавшихся апрельских дней.
И ты найдешь под старость утешенье
В таких же окнах юности твоей.

Но, ограничив жизнь своей судьбою,
Ты сам умрешь, и образ твой — с тобою!

Перевод С. Маршака

IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free.
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive.
Then how, when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?
    Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
    Which, used, lives th' executor to be.

4

Растратчик милый, расточаешь ты
Свое наследство в буйстве сумасбродном.
Природа нам не дарит красоты,
Но в долг дает — свободная свободным.

Прелестный скряга, ты присвоить рад
То, что дано тебе для передачи.
Несчитанный ты укрываешь клад,
Не становясь от этого богаче.

Ты заключаешь сделки сам с собой,
Себя лишая прибылей богатых.
И в грозный час, назначенный судьбой,
Какой отчет отдашь в своих растратах?

С тобою образ будущих времен,
Невоплощенный, будет погребен.

Перевод С. Маршака

V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap check'd with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnow'd and bareness every where:
Then, were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:
  But flowers distill'd, though they with winter meet,
  Leese but their show; their substance still lives sweet.

5

Украдкой время с тонким мастерством
Волшебный праздник создает для глаз.
И то же время в беге круговом
Уносит все, что радовало нас.

Часов и дней безудержный поток
Уводит лето в сумрак зимних дней,
Где нет листвы, застыл в деревьях сок,
Земля мертва и белый плащ на ней.

И только аромат цветущих роз —
Летучий пленник, запертый в стекле, —
Напоминает в стужу и мороз
О том, что лето было на земле.

Свой прежний блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Перевод С. Маршака

VI

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer, ere thou be distill'd:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure, ere it be self-kill'd.
That use is not forbidden usury,
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier, be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigur'd thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
    Be not self-will'd, for thou art much too fair
    To be death's conquest and make worms thine heir.

6

Смотри же, чтобы жесткая рука
Седой зимы в саду не побывала,
Пока не соберешь цветов, пока
Весну не перельешь в хрусталь фиала.

Как человек, что драгоценный вклад
С лихвой обильной получил обратно,
Себя себе вернуть ты будешь рад
С законной прибылью десятикратной.

Ты будешь жить на свете десять раз,
Десятикратно в детях повторенный,
И вправе будешь в свой последний час
Торжествовать над смертью покоренной.

Ты слишком щедро одарен судьбой,
Чтоб совершенство умерло с тобой.

Перевод С. Маршака

VII

Lo! in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climb'd the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage;
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlook'd on diest, unless thou get a son.